

Эпизод I

История с островом

♪ Peter Gundry — *She Cometh*

— Закрой глаза, — с улыбкой сказал Вит.

Солнце светило ему в спину, рождая золотистый ореол. Ветер путался в волосах и уносился прочь — плясать на водной глади, рябью выводить загадочные письмена.

— И пропустить всю красоту? Издеваешься?

Липа сидела на корме и, чуть свесившись влево, касалась ладонью воды. Отчего-то это казалось важным. Все равно что сказать озеру «здравствуй» после долгой разлуки, напомнить о себе и попросить прощения.

— Таковы правила, Малёк. Остров любит гостей, если гости...

— ...Уважают его волю, — отозвалась она эхом. Слова были знакомы с детства, но теперь, вернувшись после стольких лет, Липа понимала их значение.

В детстве это считалось игрой. Как прятки. Нужно было зажмуриться и сосчитать до ста, пока дедушка работал веслами и рассказывал новости под мерный плеск воды. Каждое лето — новое приключение, в котором остров — сказочная страна, а озеро...

Озеро — это мост. И оно же — ворота. И бдительный страж, требующий платы. Всего-то и нужно, что обменять минуты зрения на месяцы, полные волшебства. Достойная сделка. И справедливая: нельзя брать что-то, не отдавая взамен. Главное правило, которое дедушка вбил ей в голову.

— Еще минутку, и всё.

Липа честно поклялась. Сплела пальцы, как делали они с Витом, скрепляя договор: указательный лег на безымянный поверх среднего. Жест, означавший верность.

Она относилась к Виту как к брату — старшему, порой далекому и непонятному, но все же любимому. Для дяди он был слишком молод и, прямо говоря, легкомыслен. Даже Липа в свои семнадцать рассуждала более здраво, чем он в двадцать девять.

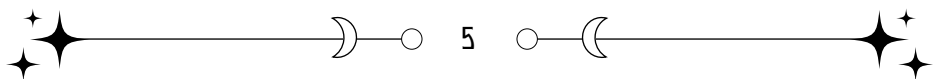
— Я слежу за тобой.

— Сама суровость. — Зачерпнув пригоршню воды, она брызнула ему на колени.

— Эй! Кто-то дошутится сейчас — за борт выброшу!

Вит непроизвольно дернулся и скинул сандалию. Липа с хохотом бросилась ловить обувку.

— Весла не потеряй!

— Да уж как-нибудь. Разошлась тут... а минута кончается.

Липа очнулась. Запрокинула голову. Улыбка померкла на губах. Озера было мало: ей хотелось вобрать в себя весь мир — запомнить его таким, каким он был вдали от бетонных стен и городской суеты. Ярким, полным, настоящим.

Сизое небо светлело ближе к горизонту, окрашиваясь в персиковые оттенки. Облака цеплялись за вершины Двуглавого Пика. Силуэты гор вырастали за кромкой дальнего берега. Там лежал Бранов, откуда Липа приехала на поезде — стальной гусенице, ползущей сквозь кедровые леса. Там, в Бранове, осталась мама.

Липа зажмурилась.

Почувствовала, как солнце касается кожи. Как Вит налегает на весла. Старое суденышко, принадлежавшее деду, медленно удалялось от берега. У деревенского пирса оставались рыбацкие лодки и катера — современные, но «без души». Слишком быстрые, слишком шумные. Вит морщился всякий раз, заслышав гул мотора. Именно в такие моменты он становился похожим на деда Анатоля — не столько чертами лица, сколько прищуром и едва заметным наклоном головы... Они с мамой были сводными: дети разных матерей, которые не росли вместе. Бабушка Фия умерла в тридцать пять.

Мама уже пережила ее на семь лет.

Первые симптомы появились два года назад, вскоре после того как Липе исполнилось пятнадцать. Беспокорство, замедленность реакций, а затем — паника, когда стало понятно, что болезнь неизбежна.

К шестнадцати Липа знала все о хорее Хантингтона, генетическом заболевании нервной системы, белковой мутации, передававшейся от матери к дочери. В детстве она не понимала многого. Знала, что бабушка умерла молодой. От чего? Слишком сложно, чтобы объяснить ребенку.

И еще сложнее — смириться.

Этой весной мама перестала ее узнавать. Тогда, в конце апреля, пришел страх. Настоящий. Будто два года до этого Липа только готовилась.

Она понимала, что не справится одна. Вит приглядывал за мамой, пока Липа была в школе. Чтобы не дать случиться страшному. Непоправимому. С каждым днем мама контролировала себя все хуже: провалы в памяти, рваные движения, отсутствующий взгляд...

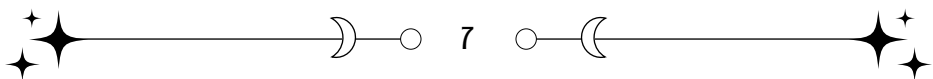
Липа поехала.

Сидеть с закрытыми глазами стало неудобно. Она хотела отвлечься, слушая плеск волн и песни лягушек в камышовой заводи, но снова возвращалась мыслями в позавчера.

Маму забрали утром.

Вит позвонил врачу — заведующему отделением в клинике, куда Липа водила ее на прием. Надежда оставалась: при должном уходе больные могли прожить еще пять, а то и десять лет. Сама мутация неизлечима, но таблетки притупляли симптомы. Это все, для чего они годились, — смягчить депрессию, чтобы пациенты не думали о суициде.

Вместо этого думала Липа. Каждое утро, каждый вечер. Она спала рядом с мамой, прислушиваясь к каждому вздоху и произвольному стону. Не могла иначе. Потому что они были только вдвоем — мама и Липка. Всегда. А теперь она не знала, чего ожидать.

И сколько еще.

Прошлую ночь — впервые за последний месяц — она провела в тишине, глупо плясая в потолок. Только под утро Липе удалось ненадолго задремать. Спустя полчаса она вскочила, но проверять было некого: соседняя кровать застелена, Вит спал на диване за стенкой.

Не сумев больше заснуть, она стояла на пороге и слушала его размеренное дыхание. Это было так правильно, так успокаивающе и в то же время странно. Липа не могла расслабиться и приучить себя думать о хорошем. Им пришлось уехать из Бранова: Вит не мог оставить дом надолго.

Здесь дышалось иначе. Липа забыла, каково это: после смерти деда она ни разу не была на острове.

Вит бросил музыку, чтобы подарить этому месту — и себе — новую жизнь. Иначе всё было бы напрасно. Волшебство бы рассеялось, и магия острова погасла, сверкнув на прощание росчерком звезды.

— Мы уже близко.

— Добрались до камней?

— Да.

Они отчего-то говорили шепотом, и Липе это нравилось.

Это означало, что рубеж почти пройден: они у Стоячих Камней. Змеевы зубы — так называли валуны на острове.

— Достану?

— Если постараться. Справа. Еще чуть-чуть.

Она протянула руку и кончиками пальцев дотронулась до гладкого бока валуна, нагретого за день солнцем. Это был своего рода ритуал: прикосновение к камню, как и к поверхности воды, дарило особое чувство — будто озеро

отдавало ей частичку волшебства, признавало Липу своей и позволяло остаться.

Она сомневалась, что после стольких лет получит разрешение, но, видимо, озеро было не против. Камень отозвался влажным теплом на коже, и Липа улыбнулась.

— Скажешь, когда открывать.

— Теперь можно. Мы почти дома.

До суши оставалась сотня метров, однако пролив, отделявший остров от «большой земли», где лежали рассыпанные по холмам деревни и дачные поселки, они уже преодолели.

Остров всегда был особенным — слишком маленьким для хутора и слишком красивым для того, чтобы оставаться необитаемым. Он признавал только одного хозяина. Поколения сменяли друг друга, и остров привыкал к новым владельцам: наверняка успел привязаться к Виту. Может, и Липу полюбит, если она переедет насовсем.

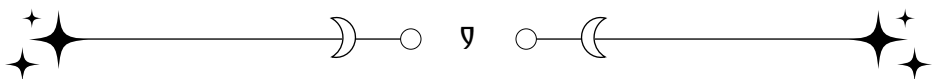
Строить планы — сложнее всего. Впереди у Липы поступление в университет, а дальше она не загадывала. Кто знает, что случится до осени.

В первые дни июня лето кажется долгим — целая жизнь, наполненная солнцем, искрами на водной глади и запахом земляники. И жизнь эта начиналась прямо здесь. Сегодня. Сейчас.

Когда лодка мягко стукнулась о берег, Вит спрыгнул в воду и протянул племяннице ладонь, помогая сойти на землю.

— Осторожно, тут грязь после вчерашнего дождя, не испачкайся.

— Ай! — Она прыгнула как можно дальше. Качнулась, но устояла, схватившись за сильную руку. — Да тут галоши нужны! Зря надела босоножки.

— Это точно. Ничего, привыкнешь. Подержи рюкзак, сейчас возьму.

Протасив лодку чуть дальше, он привязал ее к кольшку и догнал Липу.

— Я сама, он легкий.

— Не спорь, Малёк. Что скажет мама, если узнает, как ты тяжести носишь? — Он осекся на полуслове. — Прости. Мы ведь справимся, да? Ты и я?

Он протянул ей три сложенных пальца, и Липа ответила тем же. Она больше не улыбалась.

— Ты и я, — отозвалась она негромко.

Теперь только так, а хорошо это или плохо — покажет время. Все менялось, рано или поздно. Только остров оставался прежним, словно застывший слепок.

Оставшуюся дорогу до дома молчали.

Вокруг хватало звуков и без болтовни. Все, что они могли и хотели сказать друг другу, было сказано в стенах двухкомнатной квартиры на Речном проспекте в Бранове.

Липа шагала быстро, подстраиваясь под длинноногого Вита. Идти приходилось друг за другом: тропинка, уводившая вверх на холм, была слишком узкой. По обе стороны цвела жимолость. Чуть дальше, за низкой деревянной изгородью, виднелись кусты малины и черной смородины. У дальнего берега, в низине, близко к заводу, где стоячая вода напоминала болотце, разрослась ежевика.

Солнце уходило за скалистую гряду; лягушки хохотали нестройным хором. Над ухом звенели комары. День казался долгим. Дорога вымотала, и Липе хотелось поскорее лечь в постель, перекусив чем-нибудь на скорую руку, чтобы унять голод. Завтра все станет иным, потому что с ясной

головой смотришь на мир другими глазами. Утром хочется жить — об этом Липа знала не понаслышке.

Впереди показался дом. Невысокий, крепкий, с четырехскатной крышей: беленые стены кое-где облупились, ставни распахнуты, окошко в мансарде приоткрыто — именно там, под самым сводом, находилось укромное место Липы, заполненное детскими вещами и игрушками. Она гадала, что же найдет внутри: прошло без малого шесть лет, и память не давала подсказок.

— Добро пожаловать домой! — Вит обернулся, торжественно повысив голос. И добавил уже тише, с хитринкой в глазах: — С возвращением, Малёк.

Половица приветственно скрипнула, когда Липа шагнула в сени. В доме было прохладно. Пахло ландышами и чем-то терпким, но приятным. При дедушке в доме витал аромат табака, пропитывающий все вокруг.

— Чайник поставь, я сейчас.

Липа слышала, как Вит зашагал по лестнице — пошел относить ее рюкзак.

— Ну, здравствуй... те... — чуть подумав, она добавила этот короткий, но важный слог, здороваясь так со всем, что ее окружало. Не мытой давно плитой, пузатым чайником, носик которого засвистел спустя пару минут, деревянными стульями и длинной, почти до пола, расшитой скатертью. Маленькая кухня была сердцем дома: именно здесь находилась печь. Летом она, конечно, без надобности, но зимой... Гостя не рискнула бы лечь в мансарде, чтобы не стучать зубами под двумя одеялами. Зимой с моря

приходила непогода, и тучи разбивались о горную цепь, принося с собой град и пургу.

Пока она хозяйничала в кухне, Вит затопил баню, а после ушел во двор: разговор за чаем не клеился. Липа принялась за посуду и застыла с чашкой в руке. По воде растекалось густое черное пятно, будто кто-то пролил чернила.

— Ви-ит!

Пришлось позвать три раза, прежде чем он услышал.

— Ты чего кричишь?

— Это что такое?

Черное пятно в тусклом свете единственной лампы казалось блестящим, а в глубине словно плавали искорки. Зеленоватые, крошечные огоньки. Липа моргнула. Наверное, показалось.

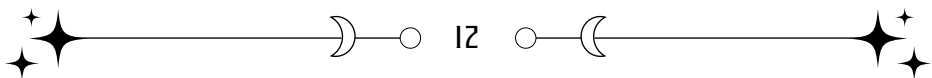
— Ты где воду брала?

— Ты же сам из колодца принес. — Она уставилась на него без упрека, но с изумлением.

— Странно. Ладно... — Он почесал затылок и махнул рукой. Заметно было, что Вит тоже вымотался и едва не засыпал на ходу. — Вылей ее, возьми теплую из кастрюли.

Неудивительно, что пятно забылось. Думать о нем не хотелось ни хозяину, ни гостю. Мысли в голове едва ворочались.

Вит убрал остатки посуды; Липа воспользовалась священным правом и убежала в баню. А когда вернулась — свет уже погас. Прокравшись к себе наверх, она взяла щетку с зубной пастой и спустилась обратно в сени, к умывальнику. Вода была ледяной, и Липа чуть не вскрикнула. Сдержалась. Вит наверняка уснул, пока она грелась, смывая с себя пыль и дневную усталость.

Брызнув в лицо пригоршню воды, она тут же покрылась мурашками — даже пританцовывать начала на месте. Не заболеть бы. Впрочем, вода закончилась слишком быстро. Открыв крышку умывальника, чтобы долить из ковша, Липа замерла. На этот раз черного пятна не было, но появилось нечто невиданное.

Тусклая лампа в сенях роняла блики на поверхность воды. В ковше плескалось... существо. Липа моргнула. Поставила ковш на стол. Склонилась чуть ниже.

Насекомое — или какая-то странная водоросль? — размером чуть больше мизинца с венчиком из мягких щупалец напоминало морскую актинию. Оно светилось мягким янтарным светом, безмятежно перебирало ножками и слегка колебалось. Дышало?

— Ну здравствуй, — прошептала Липа. — И что мне с тобой делать?

Существо не ответило, но внутри заплескалась горечь. В последние дни Липа держалась, глядя на Вита, а сейчас, оставшись одна, была готова расплакаться: от тоски, обиды, тревоги за маму — от всего разом. Еще и это чудо, неведомо откуда взявшееся...

— Что ты такое?

Липа заглянула в ведро — на всякий случай, — но больше ничего не нашла. Актиния оказалась единственной, с кем Липа могла поговорить, стоя ночью посреди темного дома.

— Ладно, пойдем.

Бросив полотенце на плечо, она зачерпнула существо кружкой.

Осторожно, стараясь не расплескать воду, стала подниматься вверх. Свет включать не пришлось: загадоч-

ная «водоросль» вспыхнула ярче, стоило Липе шагнуть в темноту.

— Так, допустим... — Она попыталась улыбнуться. — Настраиваемая яркость — это удобно.

Ни одна ступенька не скрипнула по пути. Оказавшись в мансарде, Липа затворила дверь и только тогда услышала шелест дождя. Подбежала к окну и опустила задвижку: по подоконнику растекалась лужа. Корешки книг, которые Вит хранил на столе, залило водой. Безобразное пятно исказило улыбку героини с обложки «Империи кривых зеркал». Коробка с цветными мелками съезжилась. Плюшевый заяц, сидевший у окна, поник: левый глаз висел на нитке, из прорехи на плече выглядывал синтепон. Раньше хозяйка с ним не расставалась.

Липа зажгла настольную лампу и задернула занавеску. Негромко потянула носом. На глаза навернулись слезы — уже по-настоящему.

Актиния распушила щупальца, будто желая обнять ее за палец. От неожиданности Липа отдернула руку. Кружка опрокинулась на стол, обиженно зазвенев, крутнулась вокруг своей оси и замерла, накрыв светящуюся гостью.

Свет померк.

Остался стук, с которым капли ударились о стекло. Больше ничего. Темнота.

В детстве Липа боялась грозы, когда от сильных раскатов начинали подрагивать стекла буфета, когда яблоня за окном гнулась под порывами ветра и водосточные трубы гнали вниз целые реки, а лужи вздувались на асфальте пузырями. В такие минуты мама рассказывала сказку — про котенка, которому дождь был нипочем, пока он ря-

дом с друзьями. Липа зарывалась лицом в мамин свитер, и слезы на щеках высыхали... Если бы она могла вернуть то время! Сохранить его — для мамы. Чтобы не пришлось считать месяцы и дни.

Опустившись на край кровати, она беззвучно заплакала. Липа чувствовала себя бесполезной: она не могла бороться со временем, от нее ничего не зависело. Вдрагивая и глотая слезы, она будто спешила выплакаться, перед тем как... что? Вит не зайдет к ней ночью, а больше здесь никого не было.

Одиночество не чувство. Это звук падающих капель, который хуже самой тишины.

Липа отбросила одеяло и вытянулась на кровати. Спрятала голову под подушку — лишь бы не слышать. Дождь прекратился, а слезы продолжали течь. Одно воспоминание тянуло за собой другое, как звенья бесконечной цепи. Липа понимала, что она словно заранее оплакивает маму, но, как ни старалась, не могла остановиться: промочила край наволочки и тонкую простыню под щекой.

— Вставай, соня. — Ласковые пальцы коснулись щеки, убирая прядь волос.

Сон рассыпался на отдельные кадры, и Липа протестующе застонала.

— Ну мам... — Она зажмурилась крепче и отвернулась от окна. — Мне сегодня не в школу. Будь человеком, дай поспать.

Тишина. Неужели сдалась так быстро?

Липа приоткрыла один глаз. Ничего подобного. Мама сидела на краю постели, в руках держала две дымящиеся

чашки — белые, с голубыми незабудками на круглых боках. Ее волосы были собраны в пучок, от глаз разбегались смешливые морщинки. Сегодня она выглядела бодрой. В последние два года это случалось нечасто.

Липа невольно улыбнулась.

— С корицей? — уточнила строгим тоном.

— Так точно, Ваше Высочество. С корицей и сливками.

Одевайся и пойдем гулять.

Липа, уже принявшая вертикальное положение, поперхнулась кофе.

— Там же холод с утра!

Она не помнила, когда они последний раз гуляли с мамой — просто так, вдвоем. Без спешки и какой-либо цели.

— Ну и что? Ты посмотри, какой рассвет, — говорила мама шепотом, словно делясь секретом, которого больше никто не знал. В этот миг она напоминала девчонку — ровесницу Липы, которой все нипочем. Просто захотелось гулять.

— Ты серьезно?

Небо за окном было красивым: персиковая акварель с жемчужной дымкой по краю холста и брызги тающих звезд над крышами соседних домов. Но сколько их было, таких рассветов?.. И сколько еще будет.

— Мам?

Она вдруг перестала улыбаться. Взгляд застыл в одной точке. Уголок губ лихорадочно подрагивал. Ногти выступивали по краю чашки рваный ритм.

— Мама?!

Чашка выскользнула из дрожащих пальцев, полетела на пол, разбрызгивая кипяток на светло-голубое, как небо,

одеяло, и разбилась вдребезги. Осколки разлетелись по полу.

Кажется, на один из них Липа наступила, когда бежала к телефону.

До плеча мягко дотронулись.

«Ох, только не это!»

Липа подскочила на кровати. Звуки хлынули, накрыли волной, как если бы на приемнике выкрутили громкость на максимум. В комнате стоял не Вит. Незнакомец.

Вскрикнув, она замахнулась подушкой — единственным, что было под рукой. Удар вышел слабым. Следом полетела пустая рамка для фото, схваченная со стола.

— Эй! — Подушку у нее бесцеремонно отобрали. — Драться не обязательно.

— Вы кто такой?

«И зачем помешали мне реветь?»

Испугаться толком не вышло. Капля страха затерялась в океане горечи: слезы по-прежнему катились, плечи вздрагивали. Липа беспомощно вжалась в угол между стеной и кроватью.

— Ёгнас.

Она вытерла глаза тыльной стороной руки — злым, быстрым жестом. Комната, тонувшая в дымке, обрела четкость. Мужчина стоял у окна, заправляя край подушки обратно в наволочку. В глаза бросились потертая замшевая куртка и разноцветные шнурки на запястье: сплетение нитей и хитрый узор из узелков. Джинсы подвернуты, с ботинок на пол стекала грязь.

Липа вздохнула.

Незнакомец — «Игнас», поправила она себя, — напоминал то ли хиппи, то ли современного ковбоя. Высокий — макушка почти касалась потолочной балки, — худощавый, светловолосый. Мокрые пряди падали на лоб, капли дождя бежали по лицу, теряясь в недельной щетине. И только глаза, глубоко посаженные, Липа никак не могла разглядеть в тусклом свете.

— Вы к Виту?

Судя по возрасту, ночной гость был его ровесником. Лет тридцати, не больше. Друг? Бывший одноклассник? Сосед с «большой земли»?

— А кто это?

Он вскинул голову, и несколько секунд они оторопело смотрели друг на друга, пока Липа не вымолвила:

— Мой дядя. Вы как попали в дом?

— Через окно. — Не придумав, куда деть подушку, он положил ее на стол и присел рядом, на самый край. — У вас лестница приставная. Снаружи. Прости, что напугал. Я стучал, прежде чем ...

— Ничего не понимаю.

Она беспомощно всхлипнула. Голова была тяжелой, как чугунный котел, и смысла происходящего терялся.

— Вы грабитель? Маньяк? Наркоман? Что вам нужно-то?

— Нет, нет и нет. Я здесь оказался случайно. По воле времени.

— В чужом доме, — уточнила Липа. — Посреди ночи. Через окно.

— Знаю, как это выглядит. — Он обезоруживающе поднял руки. — Но с тем же успехом я мог шагнуть в любое

место. Именно поэтому я расцениваю твой дом как везение. Так проще — смотреть на вещи с яркой стороны.

Зареванная Липа не разделяла его оптимизма.

— Слушай, я правда ... — начал он и спохватился: — Как твое имя?

— Липа.

— Как дерево?

— Угу. Сокращенно от Филиппины.

— Мне правда жаль, Филиппина. — На его губах мелькнула обнадеживающая улыбка. Так взрослые разговаривают с ребенком, который ударился в слезы. — Просто *воронка* открылась в вашем колодце.

— В смысле?

— Это что-то вроде разрыва. Они появляются благодаря анимонам, — пояснил он и свел пальцы на расстояние нескольких сантиметров. — Маленькие такие штуки, сияют изумрудными огнями. Видела?

— Чашку поднимите. — Она указала пальцем. — Только не изумрудное оно, а янтарное.

Игнас освободил «водоросль», и та вспыхнула, разрослась до размеров лампочки и взмыла в воздух, шевеля многочисленными щупальцами.

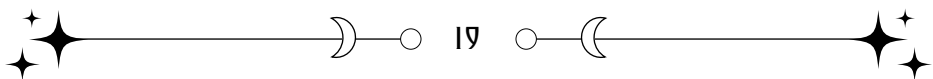
— Оно и летать умеет? — Липа округлила глаза, перестав всхлипывать.

Это уже не смешно.

— Он, — поправил Игнас. — Эта особь — еще малыш и потому пестрит желтыми оттенками.

Актиния вспорхнула к нему на плечо и зарделась солнышком.

— А, ну теперь понятно.

— Правда?

— Нет! Ничегошеньки не понятно! Воронки какие-то, анемоны всякие ... Он ведь не из моря?

— Анимоны. Через «и». От латинского *anima* — «душа». В других мирах их называют по-разному, но мне нравится такой вариант — отражает суть. Видишь ли, эти создания влияют на человеческие эмоции — будят в душе самое важное. То, что необходимо человеку прямо сейчас. Радость, стремление к мечте, порой даже желание жить ...

По лицу Игнаса пробежала тень. Анимон задрожал и, оттолкнувшись от «наседа», приблизился к сидящей на кровати Липе. Сердцевина, скрытая за венчиком щупалец, побледнела, замигала лимонными вспышками.

— И что это значит?

— Он извиняется, — ответил Игнас, пожав плечами, — за то, что заставил плакать.

— Так это из-за него ...

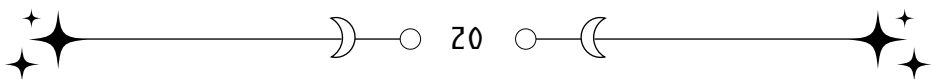
Ну конечно! Липе полегчало. Не могла она сама так расклеиться.

— Юным особям редко удаются чистые эмоции — те, что связаны в сознании с определением счастья. Они действуют импульсивно и порой грубо: представь, каково рубить нитку топором вместо того, чтобы разрезать ножницами. Но суть от этого не меняется — они дают то, что тебе нужно.

Игнас понизил голос и добавил:

— Не знаю, что именно он вытянул из тебя, но ... Мне жаль.

Липа отвела взгляд. Многие так говорят, когда узнают. Как правило, им *не* жаль. Простая форма вежливости. Одна-

ко в голосе Игнаса звучало нечто похожее на искренность. Меняло ли это ситуацию? Нет.

Он по-прежнему был чужаком на острове — странным, пришедшим непонятно откуда. Липа не желала вникать в его объяснения, обрушившиеся на нее волной. Хотелось закрыть глаза и проспать, не видя снов, до самого утра.

— Уходите, пожалуйста. Забирайте своего анимона, раз вы за ним пришли, — передайте заодно, что я на него не сержусь, — и уходите. Только через дверь на этот раз.

Липа зевнула. Вместе со слезами ушли последние силы. Слишком много впечатлений для одного дня. Она не могла сопротивляться сну, как не могла до этого бороться со слезами.

— Спокойной ночи, Филиппина.

Он протянул ей подушку, уже не опасаясь, что Липа снова ударит. Выключил настольную лампу быстрым щелчком — как-то слишком по-хозяйски — и, не говоря больше ни слова, вышел. Анимон мигнул напоследок и юркнул в щель между створкой и дверным косяком.

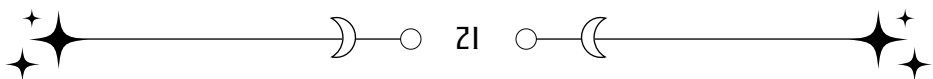
«Только бы Вита не разбудил...» Мысль показалась далекой и глухой, как звук, с которым закрылась входная дверь. Игнас ушел.

Натянув одеяло до подбородка, Липа почувствовала, как тяжесть сменяется легкостью. Будто пустоту, из которой выкачали всю влагу, заполнили воздухом.

«Интересно, как он выберется с острова? Да хоть вплавь, мне-то какое дело... лишь бы лодку не украл...»

Последний образ растворился тихо, без щелчка — не светильник, а свеча, которую бережно задули. Воздушный шар по имени Липа взмыл в ночное небо.

Там, в угольно-черной вышине, сияли изумрудные звезды.

Липа проснулась, когда солнце поднялось высоко, рисуя на дощатом полу прямоугольники света. Открыв глаза, она не сразу поняла, где находится. Села рывком и только тогда осознала, что не дома. На острове, с Витом.

Потерла веки и ощутила соль в уголках глаз. Значит, не приснилось. Рядом с кроватью лежала пустая рамка для фото. На столе — перевернутая чашка и стопка книг: подсохшие переплеты напоминали о ночном дожде.

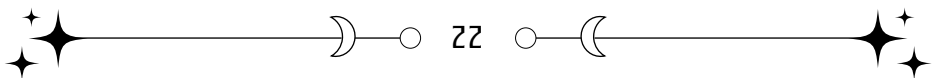
Липа с ужасом взглянула на часы: начало девятого. Вит давно встал.

Она поспешно натянула чистую футболку и джинсы, кое-как причесала растрепанные светлые волосы, выбившиеся из косы, и опрометью бросилась вниз, скатываясь по перилам. Следы гостя высохли, но грязь кое-где осталась — крупинцы влажной земли, которые она поспешила смахнуть. Из-под подошв Игнаса или ее собственных? Вряд ли Вит успел заметить, но сердце бешено стучало. Она не знала, как — и стоит ли — завести разговор о ночной чертовщине.

Прежде чем подойти к умывальнику, Липа заглянула во все емкости с водой: ни следа анимонов или странной черной жижи.

Выдохнула с облегчением. Утро началось удачно.

Липа умылась и поставила чайник на плиту. Она не видела Вита за морем зелени, разросшейся под окнами, но отчетливо слышала шаги, приближавшиеся по дорожке к крыльцу. Вот скрипнула калитка, подпрыгнул крючок на двери и...

— Доброе утро!

— Доброе, — отозвалась она. — Ты вовремя. Чайник вскипел.

— Третий за утро, — хмыкнул он.

— И когда успел?

— Ты бы дольше валялась, соня! — Сполоснув руки, он уселся напротив. — Хорошо спалось на новом месте?

— Только без шуток про невесту, будь добр, — буркнула Липа, разливая кипяток. — Тебе с малиновым? Или смородину достать?

— Ты не ответила.

— Ты тоже. Да нормально спалось.

— Тогда и мне смородину.

Рассмеялись в голос, и Липа вдруг поняла, как давно не хохотала просто так, над какой-нибудь глупостью. Вчерашняя пустота отзывалась эхом внутри, но теперь она знала, чем ее заполнить. Компания Вита шла на пользу.

— Я уж думал будить серенадой. Все равно инструмент простаивает, а так хоть польза.

— От твоих серенад у приличной принцессы, задремавшей в башне, волосы встанут дыбом. И кровь из ушей пойдет, — не осталась в долгу Липа.

Прибираясь на лестнице, она заглянула в комнату Вита через неплотно затворенную дверь. У стены стояли две красавицы-гитары: электро и акустика. На прикроватной тумбе лежал блокнот. Интересно, он часто играл, когда был один? Что-то подсказывало Липе, что да. Каждый день. Такие, как Вит, не забывают. Для них музыка — продолжение мыслей, а гриф со струнами — продолжение руки. Они дышат тем, что творят. Даже когда уходят на покой,

достигнув пика, за которым идет крутой склон, больше похожий на обрыв.

— И то верно. — Вит ни капли не обиделся. — Но ты не такая, как остальные принцессы.

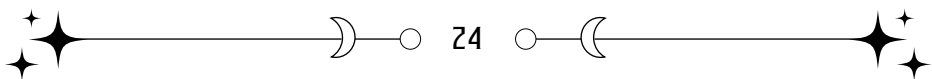
Он подмигнул, намазывая варенье на корку хлеба.

По всему выходило, что нет. Музыка группы *Sentenced to Death* она слушала с тех пор, как пошла в школу. Не всегда понимала смысл текстов и смеялась над тем, как непривычно голос Вита звучал под густые гитарные риффы и зловещий гул барабанов. В жизни он был другим: сочинял для племянницы не то смешные, не то страшные сказки и позволял заплетать себе волосы, но на сцене становился настоящей рок-звездой.

Конечно, она им гордилась. Хотя мама всякий раз морщилась, заслышав звуки хеви-метала. Она терпеть не могла группу Вита и все, что они делали. «Вырастешь — поймешь почему», — говорила она, доставая диск из CD-плеера. В те дни, когда Вит возвращался в Бранов и заглядывал к ним, они с мамой почти не разговаривали: не о чем было. Зато для Липы у него всегда находились подарки, привезенные из других городов.

Жаль, название оказалось пророческим: «Обреченные» распались после пяти лет, трех альбомов и сотни концертов. Липа выросла и поняла: наркотики. Из-за них группа лишилась басиста. Из-за них же в семье разгорелся скандал, после которого дед оказался в больнице, а остров остался ничьим. Она не спрашивала Вита напрямую: даже если он принимал, то перестал после смерти отца. И бросил все, чтобы вернуться.

— О чем задумалась?

Вит загремел тарелками, соорудив некое подобие Пизанской башни в раковине — такое же кривое и готовое съехать набок.

— О всяком. — Она подняла взгляд от чашки, на дне которой оставался последний глоток. В этой чашке накануне плавал анимон (Липа хорошенько вымыла ее с мылом на всякий случай). — Ты еще... сочиняешь?

— Бывает, — усмехнулся он и постучал по виску согнутым пальцем. — *Здесь* становится тесно от мыслей. Надо выплеснуть. Отпустить.

Она понимающе кивнула.

— Можно послушать?

— Пока сыро. Совсем. — Он качнул головой. — Но не переживай, ты услышишь первой. Быть может, к осени выберемся в «Легенду».

Бар «Легенда» на Речном проспекте был местом, где раньше собиралась группа. Уютное заведение с фонарями-светильниками и постерами рок-идолов восьмидесятых на стенах. Липа всякий раз испытывала восторг и чувство вины, оказываясь там среди взрослых фанатов, втайне от мамы.

— На концерт?

— Ну-ну, не гони коней.

Липа взяла его за руку и легонько сжала.

— У тебя все получится.

Вит улыбнулся скупно, но с благодарностью.

— Слушай, я кое-что видела ночью...

— Ты о чем?

— Я... — Она запнулась и махнула рукой. — Не знаю.

Наверное, все-таки приснилось.

